

льзя забывать и о тонкостях его восприятия именно на уровне личного пространства. Необходимо учитывать это в аргументации, как можно тщательнее подходить к выбору предложений по историческим возвращением!

Итак, как видим, идея о культурной (не культовой!) ценности топонимии ещё достаточно далека от того, чтобы овладеть массами. Тем не менее это не повод сдаваться или сидеть сложа руки. Топонимисты должны собственной практической деятельностью следовать принципам главенства культурной составляющей в топонимии.

На фоне объявленного в 2012 году в Петербурге так называемого «моратория на возвращения названий» добрым знаком выглядит состоявшееся в августе 2013 г. официальное возвращение железнодорожной станции Детское Село её исторического названия — Царское Село⁶. Как же так? Очень просто: ведь станция — это *географический объект*, а федеральный закон гласит: «*Переименование географических объектов допускается <...> в целях возвращения отдельным географическим объектам наименований, широко известных в прошлом и настоящем*» и признает роль «*наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации*».

Если же говорить о Петербурге, необходимо добиваться принятия законодательных актов, регулирующих топонимическую деятельность в нашем городе. Это позволит в том числе наконец утвердить «Красную книгу петербургской топонимии», способную юридически защитить наши названия-памятники, официально, а не только на словах, поставив их в один ряд с другими памятниками петербургской культуры.

Наконец, необходимо при каждом удобном случае просто рассказывать о роли топонимии — особенно исторической! — в существовании той эфемерной субстанции, которая даёт нам восхитительное чувство общности и с современниками, и с предками как на уровне Петербурга, если речь идет о петербургских именах, так и на уровне России, на уровне всей русской цивилизации.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2013 г. № 671 // Новый топонимический журнал. 2013. № 3. С. 62.

Е. А. Терентьев

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ СОВЕТСКИХ ТОПОНИМОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: опыт социологического анализа

В 2011–2013 гг. автор настоящей статьи провёл в Санкт-Петербурге социологическое исследование общественной дискуссии о переименовании советских топонимов. В результате на основании анализа широкого круга источников оказалось возможным выделить и описать шесть «миров», в рамках которых участники дискуссии выстраивали свои системы аргументации: символический, лингвистический, пространственный, историко-культурный, ностальгический и экономический. Каждый из этих «миров» предполагает различный фокус рассмотрения топонимической среды и становится ареной для конкурентной борьбы между участниками дискуссии.

Теоретический и эмпирический контекст исследования

Топонимическая история Санкт-Петербурга уникальна. На протяжении 311 лет своего существования город успел пережить несколько топонимических «революций», которые нашли отражение как в самом его имени (Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург), так и на всей городской карте. Последняя «революция» произошла в 1991 г., когда городу вновь было возвращено первоначальное имя — Санкт-Петербург. Это событие, случившееся на гребне эйфории от победы тогдашних демократических сил, явилось мощным толчком для возникновения жарких споров и дискуссий, предметом которых стала необходимость повсеместного пересмотра советского топонимического наследия. На повестку дня были поставлены, во-первых, возвращение исторических названий, переименованных в советское время, и во-вторых, как более радикальный вариант, — переименование советских названий даже в тех случаях, когда они не имели исторических предшественников.

Участниками дискуссий стали не только представители городской власти и специалисты в сфере топонимики, но и члены различных общественно-политических организаций, а также многие обычные жители Санкт-Петербурга. Городской топонимический ландшафт превратился в арену для конкурирующих интерпретаций, находящихся на пересечении различных сфер общественной жизни — от политики и экономики до религии и искусства.

Попытки изучения дискуссий о переименовании и возвращения названий предпринимались неоднократно, однако вплоть до сегодняшнего дня они носили преимущественно количественный характер и в целом сводились только к оценке доли горожан, согласных или несогласных с необходимостью переименования или возвращения конкретных названий. В качестве одного из последних примеров можно привести опрос об отношении жителей к возвращению исторических названий ряду улиц в центре города. Этот опрос был проведён по инициативе Санкт-Петербургской межведомственной комиссии по наименованиям (Топонимической комиссии) на базе интернет-порталов «Фонтанка.ру» и «Карповка.ру» в марте 2012 г.

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, имеет другую теоретическую и эмпирическую направленность. Оно сфокусировано на рассмотрении качественных характеристик публичной дискуссии о переименовании и возвращении исторических названий с точки зрения анализа стратегий аргументации,

используемых участниками дискуссии для критики и обоснования мнений по топонимическим вопросам.

Объект, предмет и цель исследования

Объектом исследования стали три источника информации. Во-первых, это проведённые автором в 2012 г. интервью с членами Топонимической комиссии Санкт-Петербурга и представителями общественно-политических организаций, активно участвующими в топонимической жизни города. Во-вторых, статьи в средствах массовой информации, посвящённые вопросам переименования и возвращения исторических названий в Санкт-Петербурге. В-третьих, дискуссии, посвящённые вопросам переименования/возвращения исторических названий на интернет-форумах.

Предметом исследования были стратегии аргументации, представленные в репертуаре участников дискуссии.

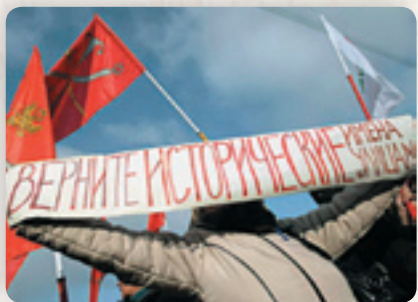
Цель исследования — выявление общих принципов формирования различных стратегий аргументации по вопросам переименования и возвращения исторических названий и рассмотрение соответствующих им порядков ценностей, лежащих в основе критики и обоснования различных позиций.

Результаты исследования: топонимические «миры»

Исследование привело к выводу о неоднородности рассматриваемой дискуссии. Обсуждая конкретные проблемы топонимической жизни города, социальные акторы апеллируют к ценностям различных порядков, формирующих замкнутые «миры», в рамках которых выстраиваются системы аргументации. Каждый из этих шести выявленных «миров», которым мы придали характерные обозначения, предполагает определённый способ прочтения городского топонимического текста, соответствующий особому способу рассмотрения топонимов и практики переименования/возвращения исторических названий.

I. В рамках **символического «мира»** топонимы рассматриваются как знаки, которые необходимо читать в контексте присущих им коннотаций. В фокус рассмотрения здесь попадают не сами названия, а их мемориальные и символические составляющие: имена людей, названия событий, мест и т. д. Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором топоним оценивается с точки зрения того, насколько вписанные в него символические составляющие достойны увековечивания в народной памяти и могут рассматриваться в качестве позитивных нравственных ориентиров.

Представляется, что наиболее ярко ценности этого «мира» демонстрируют следующие слова протоиерея Александра Степанова — главного редактора радиостанции «Град Петров» и сторонника массового возвращения исторических названий в Санкт-Петербурге: «Памятник — это не просто произведение искусства, это указание на нравственный образец. Нужно правильно расставить знаки препинания в виде названий улиц, памятников, которые очень незаметно управляют нравственным процессом»¹.

¹ Санкт-Петербург: об исторических названиях улиц // www.dailysmi.net/news/127742.

Объектом споров в этом контексте становятся различные стратегии оценки мемориальных и символических составляющих названий.

Точкой наибольшего напряжения становятся коммеморативные названия улиц в честь революционных деятелей начального периода советской эпохи. Сторонники переименования называют их «палачами» и «кровавыми убийцами», а их оппоненты — «героями» и «борцами за лучшую жизнь для народа». В этом контексте акты переименования и возвращения исторических названий принимают значение символических судов над советским строем и его деятелями, а участников дискуссии можно назвать «репутационными антрепренёрами»², деятельность которых направлена на легитимацию определённого взгляда на историю и вклад конкретных исторических личностей.

Для символических названий вписанные в них коннотативные сообщения принимают различные, часто противоположные значения в зависимости от контекста их прочтения. Типичной здесь является дискуссия о возвращении исторических названий десяти *Советским улицам*, которые до 6 октября 1923 г. носили название *Рождественских*³. В обоих общественных дискурсах, которые можно назвать дискурсами «возвращения» и «контрвозвращения», само название рассматривается как символ религиозных ценностей. (В данном примере — по давно утраченной церкви Рождества Христова, находившейся на углу современных 6-й Советской улицы и Красноборского переулка.) Однако если в рамках первого дискурса оно маркируется как позитивный знак, символизирующий возврат к светлым нравственным ориентирам, то в рамках второго — крайне негативно, как знак агрессивной религиозной пропаганды, недопустимой в светском обществе.

II. В рамках **лингвистического «мира»** названия рассматриваются как формальные ярлыки, способ прочтения которых не предусматривает обсуждения их символического значения. Такой подход предполагает исключение из дискуссии всех вопросов, касающихся оценки деятельности людей или смысла символов, вписанных в городскую топонимический ландшафт, что, безусловно, демонстрирует следующая цитата из обсуждения на одном из петербургских интернет-форумов: «Любое название — это всего лишь имя, а никакой не монумент за какие-то заслуги»⁴.

Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором в качестве предпочтительного рассматривается то название, которое является более «красивым» или «удобным» для употребления в повседневной коммуникации.

Данный контекст позволяет выделить три основных порядка оценок, в рамках которых участники дискуссии выстраивают свои системы аргументации. Для их обозначения мы предлагаем использовать три понятия порядков.

Эстетический порядок — это такой принцип ведения дискуссии, при котором в качестве критериев оценки рассматриваются красота и благозвучность названия. В рамках этого порядка оценка зависит от субъективных интерпретаций и восприятий, поэтому здесь открывается практически безграничное пространство для критики или оправдания различных позиций.

² Fine G. Reputational entrepreneurs and the memory of incompetence: melting supporters, partisan warriors, and images of President Harding // *American Journal of Sociology*. 1996. N 101. P. 1159–1193.

³ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 412–414.

⁴ www.sxnarod.com/vozvrashenie-istoricheskikh-nazvaniy_70-t.html.

Утилитарный порядок — это принцип, при котором в качестве критерия оценки рассматривается удобство произнесения названия. В большинстве случаев оценка по этому критерию совпадает с оценкой по указанному выше критерию благозвучности, однако иногда оценки всё же различаются, что можно продемонстрировать на примере следующей цитаты: «Рождественские, конечно, красивое название, но к Советским, в принципе, уже все привыкли, да и выговаривается как-то проще»⁵.

Генетический порядок — это принцип, в соответствии с которым название оценивается на основании его языкового происхождения. Здесь можно выделить два основных модуса существования этого порядка: протекционистский и интернационалистский. В рамках первого предпочтение отдаётся названиям, происходящим из русского языка, в рамках второго указывается на то, что иноязычные названия, по сути, отражают «дух» города. Различие между этими двумя дискурсами можно продемонстрировать на примере различных оценок имеющего типично западноевропейский вид названия *Оккервиль*⁶. Именно оно предлагалось для переименования станции метро «Проспект Большевиков», поскольку она находится в непосредственной близости от этой реки: «Ни в коем случае нельзя переименовывать, с какой стороны Оккервиль истинно питерское название??? Это ж скандинавское название»⁷; или: «Оккервиль, конечно, не русское, но Петербург на то и многонациональный, многоконфессиональный город»⁸.

III. В рамках **пространственного «мира»** топонимы рассматриваются как географические ориентиры, основная функция которых — способствовать удобству навигации в городском пространстве.

Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором в качестве предпочтительного рассматривается название, имеющее большую привязку к репрезентируемой местности. Смысл этого порядка ярко демонстрируют слова из нашего интервью с членом Топонимической комиссии Алексеем Владимировичем, в которых обосновывается необходимость возвращения упомянутым Советским улицам исторического названия: «Что такое Советская улица? Как можно так назвать? Если Рождественские улицы были именно в этой местности вокруг Рождественской церкви, то Советские могут быть где угодно».

Объектами споров и дискуссий в этом контексте становятся различные стратегии определения доминант местности. В качестве примера здесь снова можно обратиться к дискуссии о переименовании станции метро «Проспект Большевиков» в «Оккервиль». Сторонники переименования, в первую очередь члены Топонимической комиссии, указывали на то, что река Оккервиль является ключевым ориентиром района, который обслуживает станция; противники же указывали на то, что эта «грязная речушка» доминантой целого района никак считаться не может. Наглядно этот спор иллюстрирует следующий заочный диалог, представленный

⁵ Из обсуждения в группе «Проголосуй за переименование Советских улиц!!!» в социальной сети «ВКонтакте» // vk.com/topic-4376252_7219702.

⁶ О сути происхождения топонима «Оккервиль» см.: Мартынов Г. Г. Пять веков топонимии Колтушской земли // Новый топонимический журнал (далее — НТЖ). 2012. № 1. С. 43–47; Рысев С. Е. От Лезьби до Оккервиля: «Ярляки» одной реки // НТЖ. 2014. № 1. С. 61–72.

⁷ Из комментариев на интернет-форуме любителей метро Санкт-Петербурга // www.subwaytalks.ru/viewtopic.php?f=51&t=3195&start=45.

⁸ 5 канал: КПРФ против Топонимической комиссии // www.cprfspb.ru/360.html.

в одной из статей, посвящённых возможному переименованию: ««Самая верная привязка для станций метро — географическая. <...> Историческая ось южных районов — река Оккервиль, так что назвать станцию этим именем вполне логично». — «Говорят, что река Оккервиль — основообразующий элемент района. Может, когда-то так и было, но сейчас это дурно пахнущий ручеек»⁹.

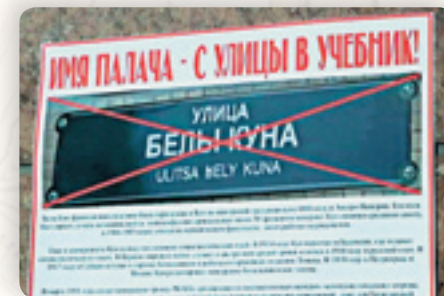
Таким образом, в дискуссиях о возвращении исторических названий распространённый аргумент защитников советской топонимии состоит в том, что старые названия уже не имеют той географической привязки, которая существовала раньше, ввиду утраты пространственных доминант, к которым они отсылали: «Ни Благовещенской, ни Рождественской церковей нет и уже не будет, поэтому и возвращать названия уже незачем»¹⁰.

IV. В рамках **историко-культурного «мира»** топонимическая среда рассматривается как важный элемент городского наследия. Ценности этого «мира» в точности демонстрируют слова, сказанные нам другим членом Топонимической комиссии, Андреем Ръжковым: «Топонимическая городская среда есть такой же элемент наследия, как и среда архитектурная. И этот элемент имеет собственное культурное значение, совсем не эквивалентное значению имён людей, помещённых на карту города».

Предметом споров и дискуссий в этом контексте становятся различные порядки определения историко-культурной ценности топонимов. В соответствии с результатами проведённого анализа можно выделить как минимум четыре таких порядка, которым мы дали собственные обозначения.

Понятию *порядка первенства* соответствует формула: «Первое название — наиболее ценное». Акты переименования и возвращения исторических названий в этом контексте принимают различное значение. Переименование рассматривается как антиисторическое действие, которое вообще не должно стоять на повестке дня, а возвращение старых названий — как способ восстановления исторической справедливости: «Возвращение названий — это акт справедливости. Ведь называть имеет право лишь тот, кто сотворил. <...> Хотите Коммунистический проспект — так постройте его сами, тогда и относиться к такому явлению можно будет с уважением, как к памятнику эпохи»¹¹.

Временной порядок в качестве основного критерия оценки предполагает рассмотрение длительности существования топонима. Такому порядку соответствует формула: «То название, которое существовало дольше, является более историчным». Примером артикуляции принципов этого порядка может являться следующая позиция по вопросу возвращения Советским улицам дореволюционного названия, где автор не соглашается

⁹ Жаворонкова Ю. «Большевик» снимают с ветки // Известия. 2008, № 115.

¹⁰ Из комментариев к статье «В Петербурге вернулись к вопросу переименования улиц» // karovka.net/2012/03/15/35380/. В первом случае подразумевается церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, по которой в конце XIX века получила название Благовещенская площадь (современная площадь Труда).

¹¹ Геннадий Беловолов, протонерей. Называть имеет право лишь тот, кто сотворил // rusk.ru/st.php?idar=181834.

с тем, что данное возвращение можно рассматривать как акт восстановления исторической справедливости: «*Советскими улицы были 90 лет, а Рождественскими — 70, где историческая справедливость?»*¹².

В рамках *событийного порядка* основным критерием оценки становится привязка названия к историческим событиям и их репрезентациям в документальной и художественной литературе. Обращение к такому порядку, например, лежало в основе аргументации Топонимической комиссии о необходимости возвращения дореволюционного названия *Сенатской площади* (в советское время, с 1923 г., она называлась *площадью Декабристов*). Об этом в своём интервью упомянул Алексей Владимирович: «*Мы с радостью вернули название Сенатская площадь, потому что кто бы там что ни говорил, но декабристы выходили на Сенатскую площадь, а не на площадь Декабристов*».

Понятие *порядок равнозначности* используется нами для обозначения такой стратегии аргументации, при которой все названия рассматриваются как имеющие одинаковую ценность. Обращение к ним становится принципиальным аргументом вообще против всех переименований и возвращений исторических названий. В наиболее радикальной форме такая позиция постулирует относительность всех суждений об «историчности» и рассматривает различные инициативы по переименованию или возвращению исторических названий как одну из форм идеологической борьбы: «*Никакого возвращения «исторических названий» не существует. Все названия по определению исторические. А кампания «за возвращение...» — это просто форма идеологической борьбы*»¹³.

V. В рамках ностальгического «мира» петербургские топонимы рассматриваются как важные элементы индивидуальной памяти горожан. Названия становятся символическими вехами частных биографий, связывая городское пространство с уровнем личных переживаний. Ценности этого мира ярко репрезентирует следующая цитата из интервью, взятого нами у одного из основателей градозащитной организации «Группа спасения памятников» Сергея Васильева: «*Я отношусь к городу так: то, что болит в нём, то, на что отзывается, когда запрашивают что-то для меня родное, любимое и, безусловно, сущностное, я за это вступаюсь. <..> Это касается и топонимики*».

Объектами споров и дискуссий в этом контексте становятся индивидуальные интерпретации или восприятие городской топонимической среды. В качестве примеров артикуляций ценностей данного «мира» можно привести две цитаты. Первая из них взята из той же дискуссии о возвращении исторических названий Советским улицам: «*Разве честно взять и стереть с лица Земли адрес детства??? О чём говорят людям Рождественские (для меня это лишь пусть и очень красивое, но просто историческое название...), какие воспоминания навевают?»*¹⁴. Другая цитата касается вопроса о переименованиях станций метро «Проспект Большевиков» и «Улица Дыбенко» в исторической местности *Весёлый посёлок* (очевидно, по названию существовавшей здесь в XIX веке немецкой колонии Lustdorf): «*Для меня Весёлый посёлок — это что-то очень родное. Я вырос на молоке из Весёлого посёлка, к нам оттуда приезжала молочница. А в детстве там грибы собирали*»¹⁵.

¹² Из комментариев к статье А. В. Кобака «Название “площадь Восстания” — это исторический казус» // karovka.net/2012/04/04/38318/. Данному респонденту, очевидно, неизвестно, что в действительности название Рождественских улиц появилось ещё в последней трети XVIII века.

¹³ Из обсуждения в группе «Проголосуй за переименование Советских улиц!!!».

¹⁴ vk.com/topic-4376252_7219702.

¹⁵ Жаворонкова Ю. Указ. соч.

VI. В рамках последнего, экономического «мира» в фокус обсуждения попадают не конкретные топонимы, а практика переименования/возвращения исторических названий в целом, которая рассматривается как статья расходов, требующая определённых издержек не только от городских властей, но и от всех жителей города. Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором приоритет отдаётся экономическому благосостоянию, а любые переименования рассматриваются как неоправданные затраты.

Участники дискуссии, обращающиеся к ценностям этого «мира», обычно прибегают к трём основным стратегиям аргументации.

Первую из них можно назвать *коррупционной стратегией* — это такая модель аргументации, в которой артикулируется позиция, будто акты переименования/возвращения исторических названий означают всего лишь один из способов безнаказанного «распила» бюджетных средств.

Понятие *бюрократической стратегии* отсылает к аргументации, в которой указывается на то, что переименование/возвращение исторических названий сопряжено с серьёзными бюрократическими издержками, связанными с заменой различной документации.

Наконец, *неприоритетная стратегия* — это модель, в которой говорится о том, что по сравнению с другими городскими проблемами вопросы переименования/возвращения играют второстепенную роль, и средства из городского бюджета должны тратиться в первую очередь на решение более насущных проблем.

Общий смысл этих стратегий можно продемонстрировать на примере цитат из обсуждения вопроса возвращения исторических названий Советским улицам в одной из групп в социальной сети «ВКонтакте»: «*Зачем это [возвращение исторических названий]. — Е. Т.]? Чтоб «под шумок» ещё денежек мелкие чиновники наворовали?»*; «*То, что тысячам придётся переоформлять документы (паспорта, свидетельства о собственности и т. д.) и кто-то намается, получая наследство или деньги на ребёнка, — это ведь ерунда, нам главное восстановить историческую справедливость»*; «*Историческое название — напрасные расходы, пусть лучше там дом подремонтируют*»¹⁶.

Заключение

Итак, представленные в настоящей статье шесть «миров» формируют замкнутые смысловые поля, которые ограничивают возможность критики апелляцией к внутренним порядкам ценностей. Внешняя критика (с позиций других «миров») в большинстве случаев маркируется как идеологизированная, а это приводит к тому, что глобальная дискуссия о переименовании/возвращении исторических названий распадается на множество фрагментированных герметичных дискуссий, участники которых формируют замкнутые сообщества. Необходимым условием для возникновения конструктивного взаимодействия между различными сообществами в этом контексте становится понимание особенностей и принципов существования каждого из миров, которое требует проведения дальнейших исследований, как количественных, так и качественных.

¹⁶ vk.com/topic-4376252_7219702?offset=0.